

ЗВЕЗДА И КРЕСТ СТАНИСЛАВА ЗОЛОТЦЕВА

Мы дружили с ним последний десяток лет, его десяток, до самого конца в феврале 2008-го.

Зацепились друг за друга в конце 90-х на одном из пленумов СП России, повспоминали первую встречу в 1989-м, когда он был одним из руководителей последнего Всесоюзного совещания молодых писателей, а я — семинаристом, в числе других принятым тогда в Союз писателей России. Сразу возникла взаимная симпатия. С той поры, с эпохи катящегося под откос Советского Союза, я запомнил его вдохновенный пафос в моменты, когда он начинал рассуждать о поэзии, о русской или британской, о настоящей, подлинной, высокой, о той, которой служил с самой юности, даже с детства, будучи привит к ней, как яблоневая почка к большому стволу. Привит, словно в саду деда под Псковом, отцом и мамой, сельскими учителями, всю жизнь проработавшими в пушкинских местах, неподалёку от Михайловского и Святых гор, а позже — в Ленинградском университете, где получил блестящее филологическое образование.

Такого рыцарского отношения к поэзии, где понятия честь и служение — не звук пустой, я, честно говоря, более ни в ком не встречал. Это относилось в первую голову к русской поэзии, к небесному имени Пушкина, недаром он семь лет подряд вёл Пушкинские дни во Пскове, с беспощадностью к себе этому празднику отдаваясь и выкладываясь. Но это касалось и поэзии в целом, скажем, и его любимых британских поэтов, предмета научных изысканий в молодые годы (в аспирантуре на кафедре зарубежной литературы МГУ он защищал диссертацию по творчеству Дилана Томаса). Это с не меньшей страстью выражалось и в его трепетном отношении к древним эпосам: он с восторгом приветствовал полное издание мансийского героического эпоса «Мадур-Ваза победитель» в 2001-м году в гениальном переводе Сергея Клычкова. Он писал мне по этому поводу: «Это первое переиздание после 1932 года. Поверь, не преувеличиваю, говорю это как человек, всю жизнь занимающийся эпосами и мифопоэмами: сия мансийская вещица не только «Фауста» посильней, но и «Гэсэра», и «Джангара», и «Калевалы», и «Нибелунгов». А на русском она, по крайней мере, вровень с бунинским переложением Гайаваты».

Поэзия была его воздухом, его смыслом существования, благо — в советские времена можно было жить только этим: читать, писать, ездить по всему Союзу в командировки, выступать перед слушателями на всём пространстве от Камчатки до любимого Таджикистана, от родных североморцев до разливанно-поэтических грузин, можно было писать многостраничные письма друзьям-поэтам — Вишнякову в Читку и Кобенкову в Иркутск, а иногда по часу висеть на телефоне, обсуждая с теми же адресатами ту или иную публикацию.

Благословенные времена. Нам, в пору взросления и зрелости, были суждены катакомбное существование и глухота 90-х, Мы, родившиеся на

рубеже 60-х, увы, так и не узнали и не увидели в лицо своего читателя. Но порода была одна, и мы сблизились.

Он был поздним ребёнком вернувшегося с войны русского солдата, желанным, драгоценным, ему было завещано то, чего не смогли достичь родители, что сохранял как заповедную тайну дед, что они пронесли сквозь пламя социальных катастроф всепожирающих войн. Это — Пушкин, Россия, вера в справедливость и верность Словенским ключам, что бьют у подножия Пушкинских гор. Вот исток его душевного склада, вот основа того парадоксального единства, которое в напряжённо сжатом виде было явлено в одном из лучших его стихотворений «Звезда и крест»:

И под русским крестом,
и под красной звездой
Упокоен отец мой навечно,
Под крестом из могучей сосны вековой
И под звёздочкой пятиконечной.

Под крестом православным покойся он
И под красной советской звездой —
Потому что когда был в купели крещён,
Русь ещё называлась святою.

.....
И над русской землёй, золотой и седой,
«Спи отец!» — говорю я сквозь слёзы.
Спи под русским крестом
и под красной звездой,
Рядом с мамой у белой берёзы...

Спи, отец, — созидатель и воин страны,
Что была и пребудет святою,
Под крестом православным
из красной сосны
И под русской высокой звездой.

Станислав Золотцев с особенной сердечной болью, с метаниями и приступами отчаяния переживал разрыв времён, попытки вытоптать, выжечь, оболгать, осквернить эпоху, в которой жили, воевали, строили и любили, боролись и часто были счастливы наши родители и деды. С отстаиванием исторической правды, сбережением корневого патриотического духа, служением родной земле была связана его огромная краеведческая, педагогическая и публицистическая работа на псковщине. В общую копилку этих трудов можно добавить многолетнее и плодотворное сотрудничество с псковским композитором Николаем Мишуковым, которое вылилось в написание большого цикла лирических песен. А одна из них даже стала гимном города Пскова. Теперь город уже навеки связан с именем Станислава Золотцева.

Сегодня мы благодарим Бога за то, что тёмный период нигилизма и ненависти к родной земле во многом позади, даже отдельные литераторы, возглавлявшие это либеральное беснование, публикуют ныне пространные покаяния о своих заблуждениях. Мне чрезвычайно повезло — иметь в то смутное глумливое время такого друга, сопереживавшего моим трудам и поддерживавшего меня в стихотворных опытах противостояния уничтожению Отечества. Именно тогда, в годы предательства и погрома российской армии, после гибели 6-й роты мной была написана поэма «Псковский десант». И он был первым, кто оценил эту вещь и всем своим авторитетом встал на её защиту, а потом продвигал в печати:

«Твой «Псковский десант» оказался настолько ёмким и небольшим по размеру, что я просто не понимаю, почему «Литературная Россия», столько всякого мусора печатающая, не могла опубликовать его полностью. Вещь, конечно, невероятно сильная. И очень необходимая в поэме — третья часть — монолог чеченца. Зная многих из них — и мирных, и боевых — могу сказать: ты точнее ухватил их психологию здесь. А по музыке — дивная часть из семи строф после этого, то есть — «Оберегом-крестом на груди: не суди, милый мой, не суди», и т.д. И ты очень умело составил (и словесно, и по интонациям) ряд, где наши ребята суть продолжение воинов Невского и Донского. В пространстве Русского Космоса действительно они рядом — Павлов, Евпатий и 6-я рота... Но, Боже, знал бы ты, Володя, как унижены они, эти ребята здесь, в России, на родине. В каких конурах живут и какие гроши получают. Они обмануты всеми. Представь себе, в местной газетке рекламное объявление: офицеры-десантники с опытом боёв в Чечне и др. горячих точках предлагают себя в качестве охранников чего угодно. Вот так! Тошно от этого всего».

Сегодня экземпляр поэмы хранится в музее 6-й роты во Пскове.

Могу лишь сказать, что Станислав Золотцев, как и многие другие русские поэты, заплатил за все труды и победы таланта своим сердцем, честным и доблестным сердцем, вместилищем всемирно отзывчивой и светлой души, сердцем, которое, по словам хирургов, было истерзано, истрёпано в прах. Он лишь несколько лет назад опубликовал на страницах нашего журнала «Сибирские огни» большую статью «Время гибели поэтов» о том, что в 90-е годы в России ушло из жизни поэтов и писателей едва ли не больше, чем в Великую Отечественную войну. В результате и сам, хоть и немного позже, оказался в их числе.

За несколько лет до своей тяжёлой сердечной болезни он в письме ко мне доверительно рассказывал о посещавших его мыслях оставить мирскую суету и удалиться в пустынь: «После всех прошлогодних лечений и передряг мне необходима жизнь совершенно без всяких нервных перегрузок. Но, сам понимаешь, для этого надо жить в монастыре. Игумен одной малой обители под Изборском, рядом со Словенскими ключами, в совершенно святом и волшебном урочище, предлагает мне на год трудником — всерьёз, как испытательный срок перед постригом». Однако этому не суждено было сбыться, остановило, по его собственному признанию, казалось бы, мелочь, но для него оказавшаяся непреодолимой — пристрастие к табаку, от которой следовало жёстко отказаться-отречься... Не смог.

Станислав Золотцев был верным работником и одним из самых активных авторов нашего журнала, любил повторять, что большая честь быть ведущим критиком и публицистом старейшего в России «толстого» журнала. За последнее десятилетие он опубликовал в «Сибирских огнях» роман-исследование «Искатель живой воды» о писателе Сергее Маркове, документальную повесть «Непобеждённый?..» о своём участии в защите Белого дома в октябре 1993-го, страницы псковского дневника «Перезвоны Словенских ключей», большое эссеистическое повествование «Нас было много на челне...» о сибирских поэтах М. Вишнякове, А. Кобенкове и А. Казанцеве, статьи, очерки и рецензии на книги Ю. Кублановского, С. Куняева, Т. Четвериковой, а также цикл стихотворений.

...И уход Станислава Золотцева напоминал сюжет из истории русской литературы. После прощания в ЦДЛ из Пскова пришла машина с почётным караулом. Гроб перенесли в военный грузовик и флотский офицер Золотцев отправился в последний путь подобно Пушкину через всю заснеженную среднюю Россию под охраной своих сухопутных собратьев-ратников. Земляки встретили его всем городским сообществом, забыв о прежних настроениях, и проводили как героя под гром прощального салюта.

Станиславу Золотцеву

Этот дождь продолжается дольше, чем помнит душа, –
Это шлёп миллиона икринок по мокрому камню,
Шевеление влажного хаоса снится века мне,
А теперь замирает на кончике карандаша.

Этот дождь, пеленающий город, уходит туда,
Где лохматые горы укрыты белёсою дымкой,
И стоит Бобырган у реки одиноким владыкой,
И шумит на порогах Катуня живая вода.

Вот и я ухожу, ухожу, ухожу за дождём –
В ручейках и потоках, в слияниях и раствореньях,
Средь ложбинок и впадин, в излучинах и повтореньях
До заветного русла влекусь непорожным путём.

Где чешуйки, соринки, хвоинки и те лепестки,
Что становятся илом и лепетом золотоносным,
Под диктовку дождя нам за этою жизнью не поздно
Доструить, докатиться до лона великой реки.

Мы со Словом едины, мы – капли, мы – с неба вода,
Мы целуем солёные угли и сполохи пепла,
Чтобы кровь от любви и молитвы пылала и слепла,
И цвела! – круг души размыкая уже навсегда...